

Процесс утраты фарингализации активно продолжается. Восточнокавказскому праязыку были свойственны гласные *и, у, а*, которые укладываются в схему:

и *у*
а

Вторичны в восточнокавказских языках *е(э), ы, о*. В системе согласных восточнокавказским языкам свойственно упрощение, утрата ряда функциональных (фонемообразующих) особенностей: утрата латералов, интенсивных, лабиализованных. В то же время возможны появления новых функциональных единиц, например, мягкость консонантов в цахурском [3]; ср. *едар* – женщины, *едяр* – матери, *кьул* – раб, *кьул'* – окно. Язык всегда экономен. В нем действует закон самосовершенствования, то есть отказ от лишнего, тяжелого. В то же время в языке есть порождающая энергия. Материальная база языка – фонетическая система – всегда в полном объеме на всех уровнях обеспечивает функционирование языка.

Отмеченные процессы в динамике и системе гласных в восточнокавказских языках имеют место в русском и английском. Долгота и дифтонги в английском вторичны. Так, например, система гласных древнего периода английского языка характеризовалась шестью монофтонгами, которые различали краткие и долгие: *i, y, e, u, o, a*, и долгие *i:, y:, e:, æ:, u:, o:, a:*. Долгие вторичны, хотя краткие дифтонги в древнеанглийском не являлись самостоятельными фонемами; они выступали как варианты определенных фонем [1, с. 31–33].

Список литературы

1. Аракин В. Д. История английского языка / В. Д. Аракин. – М., 1985.
2. Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение / А. Н. Генко // Труды второй сессии ассоциации арабистов. – М. – Л., 1941.
3. Генко А. Н. Цахурский (цахский) алфавит / А. Н. Генко. – Баку, 1934.
4. Ибрагимов Г. Х. Лукайкена шадна хабар / Г. Х. Ибрагимов. – М., 2003.
5. Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык / Г. Х. Ибрагимов. – М. : Наука, 1978.
6. Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. Синхрония и диахрония / Г. Х. Ибрагимов. – Махачкала, 2004.
7. Ибрагимов Г. Х. Фонетика цахурского языка / Г. Х. Ибрагимов. – Махачкала, 1968.
8. Ибрагимов Г. Х. Цахурский язык / Г. Х. Ибрагимов. – М. : Наука, 1990.
9. Элементы цахурского языка в типологическом освещении. – М. : Наследие, 1999.

СПЕЦИФИКА ПАРАДИГМАТИКИ ФРАЗЕМ СО СТЕРЖНЕВЫМ ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ

О.В. Елисеева, Т.И. Ивашкович

Статья посвящена рассмотрению специфики функционирования глагольных категорий в структуре фразем различных семантико-грамматических разрядов с глагольным стержневым компонентом и установлению взаимосвязи их семантики с парадигматическими возможностями фразеологизма.

The article is devoted to the functioning of verbal categories in the structure of a phraseological unit of different grammatico-semantic classes with a verbal stem component. It also deals with the formation of interrelations of their semantics with paradigmatic opportunities of the phraseological units.

Ключевые слова: фразема, семантико-грамматический разряд, глагольные грамматические категории, адъективация, интеръективация.

Key words: phaseological unit, grammatico-semantic class, verbal categories, adjectivisation, interjectivatiijn.

Неразрывное единство значения и формы языковых знаков определяет пути исследования формирования структуры их плана содержания через установление закономерных отношений с формой выражения.

Фразеологические единицы (ФЕ) возникают на основе глобальной семантической трансформации словесного комплекса-прототипа. Это преобразование охватывает как лексическую, так и грамматическую семантику словесного комплекса, становящегося прототипом ФЕ. Морфологические категории, присущие словам – единицам низшего структурного уровня, в составе свободного генотипа ФЕ претерпевают преобразования в процессе формирования и становления значения и категориальных признаков ФЕ – единицы структурно высшего уровня. Взаимодействие морфологического и фразеологического уровней языка осуществляется в нескольких направлениях: по семантико-грамматической категоризации ФЕ, в плане морфологической регламентации их компонентного состава и по линии функционирования грамматических категорий в составе ФЕ.

В процессе фразеологизации формируются семантико-грамматические свойства ФЕ, которые определяют ее вхождение в один из семантико-грамматических разрядов. При отнесении ФЕ к тому или иному семантико-грамматическому разряду нами учитывается комплекс признаков: категориальная семантика, набор и функционирование морфологических категорий и синтаксическая функция ФЕ.

На наш взгляд, в русском языке можно выделить шесть семантико-грамматических разрядов ФЕ, построенных по модели свободных словосочетаний (СС) и обладающих соответствующими категориально-грамматическими значениями, формообразовательными, синтаксическими свойствами и соотносимых с лексико-грамматическими классами слов:

✓ субстантивные ФЕ: *красивый жест* – ‘нарочитый, преднамеренный поступок, рассчитанный на то, чтобы произвести хорошее впечатление’;

✓ адъективные ФЕ: *из ряда вон выходящий* – ‘выдающийся, необычный’ (о чем-либо);

✓ глагольные ФЕ: *драть горло* – ‘очень громко говорить, петь, кричать’;

✓ адвербиальные ФЕ: *от случая к случаю* – ‘нерегулярно, с перебоями, с перерывами’;

✓ предикативные ФЕ: *ничего терять (кому)* – ‘можно пойти на любой риск, на все решиться, так как хуже все равно не будет’;

✓ интеръективные ФЕ: *вот такие пироги* – ‘способна выразить разочарование’.

Следует заметить, что отдельные ФЕ соотносятся с местоимениями (прономинальные ФЕ: *от мала до велика* – ‘все’) и числительными (нумеративные ФЕ: *чертова дюжина* – ‘тринадцать’).

Границы названных разрядов могут быть размытыми и подвижными, что обуславливается сложной природой ФЕ, «нагруженностью» ее семантики, взаимодействием в процессе формирования ее признаков разноуровневых языковых явлений, асимметрией ее формы и содержания. ФЕ русского языка отличаются многообразием структурно-грамматической организации.

Глагольные ФЕ имеют обобщенную семантику процессуально-оценочного признака, выражаемого глагольными грамматическими категориями вида, залога, наклонения, лица и времени; выполняют в предложении синтаксическую функцию сказуемого.

Несмотря на многообразие структурно-грамматических моделей глагольных ФЕ и их достаточно разнообразный по количеству компонентов состав, грамматическим центром глагольных ФЕ всегда выступает глагольный компонент, несущий категориально-грамматическую сему процессуальности. Например: *поплакаться в жилетку* – ‘пожаловаться кому-л. на свою судьбу, надеясь на облегчение’; *попасть из огня да в полымя* – ‘оказаться в худшем положении по сравнению с прежним’.

Функционирование глагольных категорий вида, залога, наклонения, лица и времени поддерживает процессуальную семантику. Процессуальная семантика глагольных ФЕ, принадлежащая всему фразеологизму, опирается тем не менее на форму глагольного компонента фразем.

Субстантивные ФЕ, имеющие обобщенно-предметную семантику, объективированную в грамматических категориях рода, числа и падежа, выполняющие синтаксические функции подлежащего, именного компонента составного сказуемого или дополнения, не строятся по модели глагольных сочетаний, в качестве стержневого компонента они всегда имеют существительное: *жажда крови* – ‘стремление к убийству’; *пороховая бочка* – ‘взрывоопасная ситуация, обстановка’ и др.

Часть **адъективных ФЕ**, имеющих категориально-грамматическое значение атрибутивности, выражающих статические качественно-оценочные признаки в специфических формах рода, числа и падежа, выполняющих в предложении функции определения и именной части составного сказуемого, строятся по модели глагольного сочетания. Например: *лаптем щи хлебает* – ‘невежественный, отсталый, косный’; *звезд с неба не хватает* – ‘заурядный, посредственный’ и др.

Адвербиальные ФЕ, имеющие количественно- или качественно-обстоятельную семантику, полное отсутствие парадигматических форм, выполняющие в предложении функции обстоятельств, крайне редко строятся по модели глагольного сочетания: *рукой подать* – ‘очень близко’.

Часть **предикативных фразем**, имеющих безлично-предикативную семантику, тяготеющих к соотношению со словами категории состояния, выполняющих в предложении функцию предиката в безличном предложении, строятся на основе глагольных словосочетаний: *ничего не поделаешь* – ‘приходится примириться, согласиться с тем, что есть; другого выхода нет; иначе нельзя поступить’.

Часть **интеръективных ФЕ**, служащих для выражения различных чувств, не являющихся членами предложения, построена по модели глагольных СС. Например, *язви тебя в душу* – императивно-экспрессивная ФЕ соединяет в себе повеление и выражение отношения субъекта к объекту волеизъявления.

Итак, абсолютное большинство семантико-грамматических разрядов ФЕ, за исключением субстантивных и практически всех адвербиальных, способно включать в свой состав глагольный компонент.

Глагольный компонент в составе различных семантико-грамматических разрядов ФЕ ведет себя по-разному, его способности к формоизменению определяют изменяемость / неизменяемость фраземы и в итоге – ее место в

структуре семантико-грамматических разрядов. Сокращение формообразовательной парадигмы стержневого глагольного компонента фраземы, а следовательно, и фразеологизма в целом – общая тенденция при фразеологизации СС. Однако оно может привести к различным результатам: оставить единицу в статусе глагольной; детерминировать адъективацию ФЕ. «Обнуление» глагольной парадигмы, «застывание» глагольного компонента в какой-либо одной форме – характерный признак неизменяемых ФЕ – предикативных, интеръективных и части адъективных фразем.

Центром фразем, включающих в свой состав глагольный компонент, являются, безусловно, глагольные фраземы. Рассмотрим влияние функционирования каждой глагольной категории на семантико-грамматический статус ФЕ.

Категория вида. Ограничение видовой корреляции не приводит к переходу глагольной фраземы в какой-либо другой семантико-грамматический класс. Например, ФЕ *оставить мокрое место* – ‘безжалостно расправиться с кем-либо’ – функционирует только в форме совершенного вида. В ФЕ *ломать горбушку* – ‘трудиться до изнеможения, изнурять себя тяжелой работой’ – стержневой компонент имеет только форму несовершенного вида. Попытки образовать видовой коррелят глагольного компонента любой из этих ФЕ приводят к разрушению фразеологической целостности, к утрате системноприобретенных свойств и переводят такую ФЕ в разряд синтаксических сочетаний (ср.: *ломать горбушку*) или лишает сочетание какого бы то ни было смысла (*оставлять мокрое место*). Однако ограничение видовой корреляции не изменяет семантико-грамматического класса ФЕ, она остается глагольной. «Утрата глагольными компонентами части фразем видовой оппозиции, – отмечает Н.Ф. Алефиренко, – это один из факторов грамматической фразеологизации, формирования глагольной фраземики с отличительными от глаголов морфологическими парадигмами» [1, с. 78].

Категория лица. Важное место в комплексе грамматических категорий глагольных ФЕ занимает категория лица, так как глагольные ФЕ обозначают процесс, указывающий на «действателя», производителя действия. Для ограничения парадигмы личных форм части глагольных ФЕ, включающих в свой состав глагольный компонент, имеющий на морфологическом уровне все личные формы, определяющей причиной является семантическая. В семантике ФЕ преобладает оценочность. В семантической структуре большей части глагольных ФЕ содержится элемент неодобрительной, пренебрежительной или даже презрительной оценки субъекта. Подобные ФЕ демонстрируют ограничение образования форм 1-го лица, так как названные формы означали бы самоуничижение, саморазоблачение субъекта, которое, по образному выражению В.Н. Телия, могло бы стать равнозначным «коммуникативному самоубийству» [3, с. 194]. Например: *влезать, влезть в доверие* – ‘любыми средствами добиваться расположения к себе’ (с осуждением), *лить крокодиловы слезы* – ‘лицемерно жаловаться, притворно, неискренне сожалеть о чем-либо’ (с иронией, неодобрением). Подобные ФЕ, по нашим наблюдениям, если и функционируют в форме 1-го лица, то, как правило, с частицей *не*, когда в процессе речи говорящий отрицает свою причастность к какому-либо действию, которое, с точки зрения общепринятой системы ценностей, не отвечает нормам поведения, ею определяемым.

Большинство адъективных фразем со стержневым глагольным компонентом сохраняет в настоящем времени формы лица и числа (*бояться своей собственной тени* – ‘быть боязливым, трусливым’ (*боишься, боится, боят-*

ся)), в прошедшем времени – формы рода и числа (*трястись над каждой копейкой* – ‘быть очень скупым, бережливым’ (*трясся, тряслась, тряслись*)). Возможность таких видоизменений объясняется или общностью форм глаголов и имен прилагательных, или способностью адъективных фразем характеризовать лицо через его действие.

«Застывание» глагольного компонента в личном значении в форме одного лица – характерный статусный признак уже не глагольных фразем, а предикативных, интеръективных – *ничего не поделаешь, держи карман шире* и лишь небольшой части адъективных ФЕ: *палец/палец в рот не клади* – ‘коварный, злокозненный’.

Фиксация названных фразем в какой-либо одной личной форме вызывается семантическими причинами и синтагматическими возможностями ФЕ. В предикативных фраземах угасает сема лица, так как ситуации, ими обозначаемые, не требуют действителя, они безличны. Интеръективные ФЕ также не способны обозначать действие лица, а лишь содержат выражение эмоций, отношения, волеизъявления в адрес кого- или чего-либо. Зафиксированные в одной личной форме некоторые адъективные фразеологизмы не прямо, а косвенно характеризуют лицо: (мне, тебе, ему...) *палец/палец в рот не клади* – характеристикой лица становится действие другого, нехарактеризуемого субъекта.

Категория времени. Грамматическая категория времени глагольных компонентов ФЕ выражает отношение динамического признака к моменту речи в форме настоящего, прошедшего и будущего времени. Характер временной парадигмы глагольных компонентов в значительной степени определяется категорией вида. Так, одновидовые глагольные компоненты в форме совершенного вида функционируют только в формах прошедшего и будущего простого времени. Например: *и глазом не моргнул (-а, -и)* – 1) ‘ничуть не колеблясь, даже не задумываясь, делать что-л.’; 2) ‘не проявить признаков волнения, страха и т.п.’

Фраземы, в семантике которых преобладает модально-оценочный элемент, чаще употребляются с глагольными компонентами в форме будущего времени 1-го и 2-го лица. Это, в частности, объясняется преобладанием в семантической структуре таких ФЕ коннотативных сем, например, семы ‘угроза’: «*Перерву глотку!* – рычал он, – *перерву глотку* всякому, кто нашего брата забижает!» (Тургенев. *Новь*): *перервать глотку* (кому) – ‘жестоко расправиться с кем-л.’ Однако отмеченная тенденция перерастает в закономерность, если в семантике фраземы категориально-грамматическая сема процессуальности приобретает атрибутивно-модальную значимость, и фразеологическая семантика перестает нуждаться во временной характеристике. Например: *зимой снега не выпросишь* – ‘очень скуп, жаден’ – только форма будущего времени; *мало каши ел* – ‘молод еще, слаб и недостаточно опытен, чтобы браться за какое-л. дело’ – только форма прошедшего времени. В подобного рода ФЕ нейтрализация временных оппозиций вызывается трансформацией динамического признака в статический, что отражает тенденцию к выражению ФЕ оценочно-качественной семантики. Утрата временной парадигмы подобных фразем приводит к их адъективации, переходу в семантико-грамматический разряд адъективных фразем.

Закрепление глагольных компонентов в какой-либо временной форме может иметь результатом переход ФЕ и в предикативный разряд: *стену лбом*

не прошибешь – ‘бесполезно, безнадежно предпринимать что-л. из-за недостатка сил’.

Интеръективные ФЕ не имеют временной формы, так как их глагольный компонент употреблен в форме ирреального наклонения – повелительного.

Наличие противопоставленных форм времени ФЕ свидетельствует об устойчивости семантики процессуальности во фразеологизме.

Категория наклонения. Категория времени связана причинно-следственными отношениями не только с категориями вида и лица, но и с категорией наклонения. Как известно, взаимозависимость и взаимообусловленность категорий времени и наклонения проявляется в том, что, если глагольная ФЕ связана со временем, она может иметь только форму и значение изъявительного наклонения. Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Эта грамматическая категория определяет модальность действия, то есть обозначает отношение действия к действительности, устанавливаемое лицом.

Изъявительное наклонение является семантической базой всей категории наклонения. Такое господствующее положение изъявительного наклонения в системе форм наклонения следует рассматривать как проявление определенной закономерности, доказывающей неразрывную связь названной категории с семантикой процесса. Многозначность этой формы наклонения, тесная связь ее с другими морфологическими глагольными категориями (вида, времени, лица) делают форму изъявительного наклонения наиболее содержательной и поэтому наиболее употребительной.

Формы повелительного наклонения оказываются самыми низкочастотными по сравнению с формами изъявительного и условного наклонений, что обусловлено действием семантических и структурных причин. Действие последней причины проявляется в том, что при раздельнооформленности ФЕ глагольный компонент в форме повелительного наклонения способен «возвращать» свою лексическую самостоятельность, что приводит к разрушению фразеологического целого, превращающего ФЕ в свободное сочетание, каждый из компонентов которого самостоятельно соотносится с определенным денотатом. Ср.: *пожимать/пожать плечами* – ‘выражать недоумение, раздумье, пренебрежение, удивление и т.п.’ – *пожмите плечами*. Несомненно, основной причиной, препятствующей образованию форм повелительного наклонения глагольных ФЕ, является их семантика. Фактором, препятствующим образованию формы повелительного наклонения, может быть негативная оценочность, содержащаяся в семантике ФЕ. Так, трудно представить, чтобы говорящий побуждал кого-либо *растрачивать/растратить себя* – ‘употреблять свою энергию, свои физические и духовные силы на что-л. мелкое, пустое, недостойное’. Функционирование подобных единиц в императиве возможно лишь, как правило, с частицей *не*.

Наличие парадигмы форм наклонения, морфологическая изменяемость глагольных ФЕ является свидетельством сохранения в них значения процесса. Своеобразие названной категории обуславливается семантическими и структурными свойствами глагольных фразем, которые обнаруживают тенденцию к сокращению парадигмы наклонения. Но полная утрата парадигмы наклонения, фиксация какой-либо одной формы наклонения приводит к деактуализации семы процессуальности, утрате глагольных свойств и в конечном итоге переходу ФЕ в другие семантико-грамматические разряды – в адъективный, интеръективный или в предикативный. Так, вышеназванные адъек-

тивные ФЕ *пальца/палец в рот не клади* (кому) (только форма повелительного наклонения); *мало каши ел* (только форма изъявительного наклонения) сформировали и развили в своем значении категориально-грамматическую сему атрибутивности, так как перестали выражать динамический признак и специализировались на выполнении оценочно-характеризующей роли, что обусловлено их адъективацией.

Глагольный компонент предикативных ФЕ неизменяем, не способен варьировать форму наклонения: *ничего не потишешь* – ‘надо смириться, потому что ничего нельзя изменить’ – только форма изъявительного наклонения, так как констатируется наличие некоей ситуации, всегда представляемой как реальная.

Интеръективацию глагольных ФЕ в форме повелительного наклонения детерминируют функционально-семантические свойства данной формы наклонения. «Повелительное наклонение, – отмечает академик В.В. Виноградов, – находится на периферии глагольной системы. Оно стремится обособиться от нее, поскольку его притягивают междометия» [2, с. 180]. Например, ФЕ *поищи дураков* <подешевле> находится в процессе интеръективации. В ее значении «угасает» сема процессуальности, осознаваемая при толковании значения ‘не обманешь, не проведешь’, деактуализируется и сема атрибутивности, осознаваемая при следующем толковании значения – ‘не так глуп, как думаешь’. В структуре значения ФЕ актуализируются коннотативные семы, что приводит к формированию и закреплению в языке ее модально-оценочного значения – экспрессивного выражения категорического отказа, несогласия что-либо делать. Полная утрата парадигмы наклонения приводит к тому, что модально-оценочные семы подавляют категориально-грамматическую сему процессуальности, что лишает фразему статуса глагольной.

Категория залога. Грамматической сущностью категории залога является указание на грамматические отношения процесса, обозначенного глаголом или ФЕ, между субъектом и объектом. Залог как категория присущ только глагольным фраземам, поэтому сокращение залоговой парадигмы не влияет на изменение семантико-грамматического класса глагольной ФЕ.

Итак, глагольные ФЕ, несмотря на общую при фразеологизации тенденцию сокращения парадигматических возможностей стержневого компонента, при относительной стабильности функционирования глагольных категорий сохраняют семантику процесса и свой статус в структуре семантико-грамматических разрядов.

Адъективные ФЕ, частично обладающие способностью изменяться по лицам и числам, занимают промежуточное положение; процесс адъективации в них не представляется завершенным. Фиксация, закрепление глагольного компонента в одной форме наклонения, лица приводит к образованию интеръективных фразем; времени, наклонения и лица в комплексе названных категорий – к образованию предикативных ФЕ, а также демонстрирует завершенность процесса адъективации (*из пушки не прошибешь* – ‘упрямый, упертый’ – только форма 2-го л. ед. ч. будущего времени изъявительного наклонения).

Формоизменительные возможности ФЕ обусловлены их семантикой, формальный и содержательный планы в процессе фразеологизации стремятся к соответствию.

Форма, неразрывно связанная с семантикой, эксплицирует семантические процессы, репрезентирует связь «угасания» сем процессуальности с ре-

дуцированием глагольных грамматических сем, демонстрирует поступательность перехода фраземы из одного семантико-грамматического разряда в другой.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеологизация в системе современного русского языка / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 1993. – 149 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

АСТРАХАНЬ В ПИСЬМАХ РАЗНЫХ ЛЕТ: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Л.Г. Золотых, Н.А. Калёнова

Статья представляет собой опыт лингвокогнитивного описания репрезентации концепта «Астрахань» на материале эпистолярных текстов разных лет. Результаты исследования – вклад в формирование нового подхода к ониму как когнитивному образованию, а также к личному письму как дискурсу.

The article offers to consideration the experience of lingua-cognitive representation of the concept “Astrakhan” based on the materials of epistolary texts of different years. The results of the research work became contribution to the forming of a new approach to onim as a cognitive structure, as well as personal letter as a discourse

Ключевые слова: концепт «Астрахань», эпистолярный.

Key words: concept of “Astrakhan”, epistolary.

Личное письмо – ценнейший источник когнитивно-дискурсивных исследований, набирающих обороты в современной антропоцентрической лингвистике, внимательной к речи и ее творцу (Н.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.). Личное письмо необыкновенно информативно для ученого, стремящегося раскрыть сложные механизмы взаимосвязи языка/речи и внеязыковой действительности, а также механизмы отображения внеязыковой действительности в речи. Именно поэтому мы рассматриваем личное письмо как дискурс, объединяющий текст в его речевом своеобразии, и экстралингвистические факторы, сопровождающие появление и существование этого текста, а также коммуникативно-прагматические функции этого текста. Дискурс «выступает важнейшим компонентом социокультурного взаимодействия и в этом статусе предстает в виде коммуникативно-событийной амальгамы языковой формы, значения и действия. Дискурс, таким образом, оказывается прагматически обращенным к когнитивно-коммуникативному взаимодействию и к речевой ситуации» [1, с. 49]. Анализ эпистолярного дискурса всякий раз открывает огромный пласт информации не только социально-бытового, но и культурного характера. Исследование отдельного концепта как оперативной содержательной единицы «памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [3, с. 90].